

ГЛАВА 3. КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВА

3.1. Понятие «культура» в социальной философии, культурологии и социологии

Культура относится к теоретическим конструктам, изучаемым многими научными дисциплинами. Слово «культура» является «одним из самых сложных слов, используемых в практическом и научном обиходе» по причинам сложной и запутанной языковой истории и применения «для обозначения крайне сложных понятий в разных научных дисциплинах» и... «самых различных системах мысли». См. об этом: [82, с.13].

Существуют различные представления о культуре и ее типологии. Так, в словаре В. Даля «культура» – это образование, умственное и нравственное. Кроме того, культура – это обработка и уход, возделывание. В переводе с латинского «Cultura» означало «воспитание, образование, почитание, развитие, возделывание».

Начиная с эпохи Возрождения «культура» все больше становится, наряду с исконным своим значением (формированием индивида), также и словом, охватывающим разные области человеческой духовной деятельности: науку, искусство, философию, религию. Чаще всего культура – это наука и искусство.

В марксизме (XIX век) под культурой стала пониматься совокупность духовных и предметных образований, т.е. тут присутствует *двухчастное* деление - духовная и материальная культура общества. А первой половине XX века учеными было введено *трехчастное членение культуры*: на материальную, социальную и духовную. Под *материальной* понималось все, что относится к взаимодействиям человека со средой обитания, технологической стороной жизни, под *социальной* – отношения между людьми, системы статусов, социальных институтов и т.п., под *духовной* – субъективные аспекты

жизни, идеи, установки, ценности и ориентирующиеся на них способы поведения.

В западноевропейской литературе XX века часто употребляется термин «культура» как нечто противоположное «цивилизации». Культура понимается как явление духовное, творческое, а цивилизация – нетворческая стадия развития общества, связанная преимущественно с бездуховной техникой.

При обзоре лингвистического развития слова «культура» в современных европейских языках можно выделить четыре основных смысла этого слова [Там же, с.16]: 1) абстрактное обозначение общего процесса интеллектуального, духовного, эстетического развития; 2) обозначение состояния общества, основанного на праве, порядке, мягкости нравов и т.д.; в этом смысле слово «культура» совпадает с одним из значений слова «цивилизация»; 3) абстрактное указание на особенности способа существования или образа жизни, свойственное какому – то обществу, какой- то группе людей, какому – то историческому периоду; 4) абстрактное обозначение форм и продуктов интеллектуальной и прежде всего художественной деятельности: музыка, литература, живопись, театр, кино и т.д.

В классификации А. Кребера и К. Клакхона (1950-1960 гг.) выявленные ими 150 определений культуры были распределены на шесть основных типов - от «А» до «F». К «типу А» относятся описательные определения, в которых упор делается на перечисление того, что охватывает понятие культуры; к «типу В» - исторические определения, в которых акцентируются процессы социального исследования, традиция; к «типу С» - нормативные определения (две группы) – ориентирующиеся на идею образа жизни и на представления об идеалах и ценностях; к «типу D» - психологические определения, в которых упор делается либо на процессе адаптации к среде, либо на формировании привычек; к «типу E» - структурные определения, в которых внимание акцентируется на структурной организации культуры; к «типу F» - генетические определения, в которых культура определяется с различных позиций ее

происхождения – как продукт или артефакт, делающая упор на идеях, или упор на роли символов и др. [Там же, с. 58-60].

В «Социологическом энциклопедическом словаре» под редакцией Г.В. Осипова говорится, что понятие культуры означает:

1. Совокупность материальных и духовных ценностей, выражающая определенный уровень исторического развития данного общества и человека.
2. Сфера духовной жизнедеятельности общества, включающая систему образования, воспитания, духовного творчества.
3. Уровень овладения той или иной областью знаний или деятельности.
4. Формы социального поведения человека, обусловленные уровнем его воспитания и образования [238, с.151].

То есть, по сути дела, в таком понимании присутствует «трехчастное» деление культуры.

В социально-философских и социологических подходах культура часто рассматривается как детерминанта социальной жизни, отражающаяся в языке, мифах, символах, ритуалах, поведении тех или иных групп людей. В наиболее широком смысле *культуру* можно определить и как духовную составляющую любой человеческой деятельности, и как общую систему ценностных ориентаций, смыслов, мотивов, норм, обеспечивающих поддержание целостности и развития общества.

В социологии понятие «культура» часто применяется в 2-х смыслах:

- 1) как «личностная система осознаваемых как ценности самим индивидом и ценимых в обществе качеств ума, характера, воображения, памяти, полученных в процессе воспитания и образования. В обыденном сознании культура ассоциируется с развитыми творческими способностями, эрудицией, пониманием произведений искусства, моральной ответственностью. Уровень культуры личности определяется ее социализированностью, приобщенностью к культурному наследию, степенью развитости индивидуальных способностей;

2) как «социальная система организованных при помощи норм и ценностей функционально полезных, закрепившихся в общественной практике и сознании общества форм деятельности ...» [241, с.11]. В подобной трактовке присутствует сочетание междисциплинарных взглядов и подходов - с точек зрения структурного функционализма, феноменологии, символического интеракционизма, а также системного подхода.

Российские ученые в настоящее время пытаются изучать культуру системно, с помощью различных подходов и их сочетаний, в том числе, на уровне «социокодowego» (социогенетического) подхода, как это делает, к примеру, В.С. Степин. Он полагает, что в обществе, как целостном социальном организме, культура выступает своеобразным генетическим кодом. Подобно тому, как в биологии управляемый генетическим кодом (ДНК, РНК) обмен веществ воспроизводит клетки и органы сложных организмов, коды культуры обеспечивают воспроизводство и развитие подсистем общества и их связей, характерных для каждого исторически конкретного вида социальной организации. Таким образом, – наряду с биологическим, генетическим кодом, который закрепляет и передает от поколения к поколению биологические программы, у человека существует еще одна кодирующая система – социокод, посредством которого передается от человека к человеку, от поколения к поколению развивающийся массив социального опыта. А условием хранения и трансляции этого опыта являются его фиксация в особой знаковой форме, функционирование составляющих его элементов в качестве семиотических систем. И он приходит, в результате этих рассуждений, к такому определению понятия «культуры»: культура – это «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, поведения и общения, обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [105, с.271].

По Ю.А. Лотману, культура – это система информационных кодов, закрепляющая жизненный социальный опыт, а также средства его фиксации. По А.Г. Спиркину, культура – это «совокупность материальных и духовных

ценностей, а также способов их создания, умение использовать их для дальнейшего прогресса человечества, передавать от поколения поколению» [240, с.762]. По В.С. Барулину, культура – это процесс созидания и развития общественного человека во имя реализации своей родовой человеческой природы при помощи всех созданных им материальных и духовных средств, всего богатства общественных отношений и форм, это процесс самосозидания человека в его общественной жизни» [15, с.411].

Есть еще такое определение: культура – это специальный способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного мира, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе.

П.В. Алексеев, в рамках функционального подхода, называет ряд общих важных функций культуры, в том числе [4, с.133]:

- *ценностно-гуманистическую*, направленную на производство духовных ценностей, на формирование гуманных качеств человека и общественной системы;
- *информативную*, выступающую средством постижения объектов действительности, средством освоения культуры других народов;
- *нормативную*, создающую собственные культурные нормы и распространяющую их влияние на все стороны жизни, деятельности человека;
- *аккумулятивную*, представляющую собой сохранение и накопление социального опыта, укрепление и развитие традиций («социальная память общества»);
- *герменевтико – коммуникативную*, т.е. как средство взаимопонимания и средство осуществления коммуникации.

Существуют различные типы культуры: западная и восточная, национальные, профессиональные, социально-групповые и индивидуальные, общегосударственные и региональные, элитарная и массовая культуры и т.п. Существует и особая культура – *маргинальная*. Ее представляют собой индиви-

ды, находящиеся как бы на краю той или иной культуры, чьи установки соотносимы с разными культурными системами, но ни в одну из них не интегрированы. (Например, житель деревни, переехавший жить в город и пока в нем не освоившийся, рабочий, ставший безработным, бомжи, заключенные в тюрьмах, и т.д.)

В процессах глобализации изменяется культура, т.е. сильно меняется характер коммуникаций. Кризис локальных культур представляет естественный путь в рамках технологического пути, выбранного цивилизацией. (В религиозных и этнических конфликтах прошлого лежали именно ценности локальных культур.) «Другая» культура воспринималась как враждебная.

Современное состояние культуры фиксирует стадию ее *перехода от локального к интегральному уровню, от моностилистической к полистилистической* [82, с.245]. Под *полистилистической* культурой понимается: 1) *деиерархизация*, т.е. отсутствие иерархии экспрессивных средств культуры; отсутствие сакрального доктринального ядра; отсутствие особо отличающейся группы бюрократов, экспертов, творцов культуры, стоящих на вершине культурной иерархии; 2) *деканонизация* – ослабление или отсутствие жанровых и стилевых норм¹; 3) *неупорядоченность* – сцена и зал меняются местами, концерты дают прямо на улице и т.п.; 3) *включение* – максимум культурной терпимости»; 4) *диверсификация* – усложнение вместо упрощения, возникновение и взаимодействие традиционной культуры и стилей, образцов жизни, часто внутренне не связанных между собой; 5) *эзотеричность* – проявление групп со своей собственной сакральной доктриной, сознанием, символизмом, внутренней иерархией; *негативность* – отрицание или равно-

¹ Понятие *советский политический канон* объясняется следующим образом [82, с.218]:

Всякий канон (в том числе политический) – это совокупность незыблемых правил и норм, которые никому не позволено нарушать. *Советский политический канон* базировался на принципах: 1) *принцип целостности*: политическая система едина, неизменна всюду. Применяемые методы, средства и принципы политических решений и действий были одинаковы везде, в любой географической точке страны; 2) *принцип иерархии*: принятые «вверху» решения равномерно и равнообязательно распространялись по всей системе; 3) *принцип целенаправленности*: политическая система была ориентирована на будущее и там лежало ее оправдание. А в сегодняшнем дне ее оправдания не было. Когда Л.И.Брежнев забыл об обещании Н.С.Хрущева построить коммунизм и объявил о «реальном социализме», всем стало скучно. Наступил «застой». Так политический канон лишился одного из краеугольных принципов- целенаправленности. И тогда стали рассыпаться два других принципа.

душное непризнание социально-культурного порядка (вместо позитивного отношения к нему в моностилистической культуре; *ателеология* – отказ признавать какую-либо цель развития культуры, общества, цель жизни, человеческую сущность вообще.

Предшествующее советское культурное законодательство создавалось исходя из потребностей моностилистической официальной культуры. Настоящее время («перестроечное») – это период перехода от моностилистической культуры к полистилистической.

Переходный период всегда тяжел и требует нестандартных объяснений. Это не период приращения и накопления культурных ценностей, а момент определения векторов развития. Процесс смены культурных ценностей и включения в нее новых, процесс более длительный и сложный, чем смена научной картины мира перед лицом фактов. Ценности культуры имеют свойство приращения, тогда как новые научные открытия часто базируются на отрицании предшествующих. Успех трансформации основывается на двух предпосылках: тотальность и одновременность изменений. В реальной же действительности, так не получается из-за *парадокса средств и целей* и *парадокса одновременности* (политические и экономические изменения не могут совершаться одновременно. То есть, каждое из них возможно в том случае, если уже произошло другое изменение.

В конце своего существования КПСС превратилась из политического института власти в культурный институт. Длительное время перед этим существовало такое представление о партии и ее роли в мире, которое определяло структуру социализации индивидов. И то, что партия перестала существовать, означало для огромного числа людей потерю собственной биографии, полную или частичную деидентификацию и дезориентацию. Крушение основ советской культуры означало также крушение огромного количества ставших уже традиционными групповых и классовых идентификаций. Особо значимым это было для рабочего класса, переставшего быть «гегемоном», и значительной части интеллигенции, впавшей в период перестройки в нищету.

Л.Г.Ионин считает целесообразным в целях социологического анализа использовать определение *репрезентативной культуры*, предлагаемое Ф. Тенбруком [82, с.103]: «Главная характеристика репрезентативной культуры заключается в том, что все представления, идеи, мировоззрения, убеждения, верования и т.п., которые входят в репрезентативную культуру, являются *действительными* в силу их активного *приятия* или пассивного *признания*. Другими словами, это те идеи, представления и т.д., которые в совокупности составляют генеральное *определение ситуации* нашей жизни. Объективные структуры и институты, точнее говоря, наши представления об этих структурах и институтах как объективных вещах вкупе с нашими представлениями о характере этой объективности также входят в данное определение, т.е. являются элементами репрезентативной культуры. Если приведенное суждение справедливо, то социология как культурный анализ оказывается шире и масштабнее, чем объективистская, натуралистическая социология, ибо она предполагает не только объективное изучение социальных явлений и процессов, но и изучение предпосылок и условий этой объективности». Здесь, как мы замечаем, у Ф. Тенбрука присутствует взгляд на сущность культуры преимущественно не с объективистских позиций, а с позиций, опять же, феноменологии, символического интеракционизма, элементов экзистенциализма.

В культурологии культура – это становящаяся деятельность, ценностно ориентированная способность человека к реализации своей творческой сущности. Опорное понятие культуры – человекотворчество [111, с.3]. Для Э.Канта основа культуры – в деятельной нравственности, способность человека подняться над своим чувственным существованием, к моральному существованию.

Такое понятие как «цивилизация» возникло раньше, чем «культура» (в античном обществе: от латинского CIVIS – гражданин полиса). Начали формироваться понятия культур: агрокультура, правовая культура, культура духа

и другие. Если *культура* – это субъектная, становящаяся ценностно ориентированная человеческая деятельность, процесс социального освобождения человека как субъекта исторического творчества, то *цивилизация* – это объектная, ставшая, кристаллизованная человеческая деятельность, совокупность ее результатов. [там же, с.6-8].

Общностью культуры и цивилизации является их надбиологический характер. А различия между ними обусловлены диалектикой социального освобождения и отчуждения человека. *Социальная свобода* – это процесс реализации сущностных сил человека, отчуждение же – это господство над ним объективированных результатов деятельности, способных выходить из - под контроля. *Отчуждение* – это не сводимая к отделению от человека доля продуктов его активности, это неспособность в собственных интересах контролировать результаты деятельности. Это – несвобода человека – объекта и, в итоге, - обесчеловечение его внешнего и внутреннего мира.

Существует очень много социально-философских точек зрения на понятия «культуры», «цивилизации» и их соотношение друг с другом. Так, немецкий ученый И. Гердер полагал, что «нет ничего менее определенного, чем слово «культура», и нет ничего менее обманчивого, как прилагать его к целым векам и народам». Он считал, что людей культурных очень мало. В каких чертах следует усматривать культурность и способствует ли культура счастью людей? – спрашивал он. Приводим по работе М.Я. Боброва: [23, с.165].

А.П. Назаретян писал, что оба эти термина – «культура» и «цивилизация» (от лат. *Civilis* – гражданский, государственный) – еще в XVIII в использовались как синонимичные, причем первому отдавалось предпочтение в германоязычной, а второму – в романоязычной литературе. Позже они были позаимствованы всеми европейскими языками, и начались бесконечные дискуссии по поводу значения и соотношения соответствующих понятий. Их трактовки зависят от философских взглядов, от языковых вкусов того или

иною автора, а также, что особенно важно, от исследовательских задач [172, с.37].

Г. Волков считает, что «культура – это то созданное и накопленное человечеством богатство (материальное и духовное), которое служит дальнейшему развитию (культивированию), приумножению созидательных, творческих возможностей, способностей общества и личности или, иначе говоря, экономическому, социальному и политическому прогрессу». Но существуют и точки зрения, в которых культура рассматривается как *сфера духовной жизни*. Так, О. Шпенглер пишет: «... я разделяю *возможную и действительную культуру*, т.е. культуру как *идею – общего или единичного существования и культуру как плоть* этой идеи, как сумму ее осуществленных, ставших пространственными и доступными выражений: деяний и настроений, религии и государства, искусств и наук, народов и городов, правовых отношений, нравов, характеров, черт лица и одеяний. *Высшая история*, близкородственная жизни и становлению, есть осуществление возможной культуры». Довольно распространенным является подход, когда под культурой понимается творческая деятельность. Еще один подход: культура понимается как свойство человека. В центре культуры находятся не вещи и их свойства, не материальное и духовное богатство, не способ деятельности, а именно человек, взаимодействующие люди. П. Сорокин утверждает, что «в самом широком смысле культуру можно трактовать как некую совокупность, которая создана или модифицирована в результате сознательной или бессознательной деятельности двух или более индивидов, взаимодействующих друг с другом или влияющих друг на друга своим поведением». Приводим по: [23, с.166].

Культура не является субстанцией, как она представлена в смысле материального и духовного богатства, - считает философ Бобров М.Я. Подобно времени и пространству культура не существует вне жизни человека и других элементов социосферы. Культура – это важное свойство различных элементов социосферы [23, с.167; 27, с.1133].

Культура духовная: совокупность результатов деятельности, связанной со сверхсознанием и духовностью; она включает в себя науку, философию, мораль, искусство, религию, политику, право.

Культура имплицитная: элементы культуры, само собой разумеющиеся, но не осознаваемые членами общности, трудно доступные непосредственному наблюдению и вербальному выражению; она объясняется на основе углубленного анализа и интерпретации данных.

Культура массовая: 1. Вид культуры современного индустриального общества, характеризующийся производством культурных ценностей, рассчитанных на массовое потребление и распространяемых средствами массовой информации (коммуникации). 2. Вид культуры, характеризующийся ориентацией на усредненный массовый вкус, стандартизацией формы, содержания, расчетом на коммерческий успех. [Там же, с. 152 – 153].

Культура политическая: совокупность социальных институтов, норм, образцов поведения, традиций, ритуалов, характерных для данной системы. 2. Характер политических знаний, взглядов, убеждений индивида, умение применять их в процессе общественно-политической деятельности.

Кроме всего прочего, существуют понятия культуры: *организационная, управленческая, технологическая, нравственная, экономическая* и другие.

Социокультурная динамика. Во все времена наблюдается приращение культурных ценностей, изменение приоритетов. И это неизбежное явление. В настоящее время идет резкое изменение, убыстрение процессов изменения культуры. А где та грань, за которой эти изменения не будут способствовать разрушению культуры? *Возникает проблема исследования культуры как динамической системы*, в том числе и в условиях производственных (деловых) организаций, как разновидностей социальных систем и, в тоже время – подсистем социума. В этом плане кризис культуры может быть интерпретирован как ситуация резкого изменения коммуникационного пространства, все более разрывающего границы между культурами и создающего предпосылки (новые культуuroобразующие компоненты), которые сосуществуют *наряду со*

старыми. Могут ли они связать культуры в единое целое? В этих вопросах затрагиваются проблемы социокультурной динамики.

Социокультурная динамика – это совокупность изменений культурной деятельности, включающей восходящую и нисходящую ветви, эволюционные, революционные, консервативные и реакционные эпохи. А изменения происходят оттого, что в мире постоянно нарастают объективные требования социализации общественной жизни, обусловленной масштабами и интенсивными темпами фактического обобществления производства и распределения общественного богатства, индустриализации, технологизации производства, изменения потребностей, интересов социальных групп, общностей. Существуют тенденции к *индивидуализации* личности и *коммунизации*. Последняя, как показал исторический опыт, хорошо оправдала себя лишь в конкретно-исторических, экстремальных условиях выживания. Весьма актуальной является идея синтеза этих тенденций, индивидуализации и социализации, во имя свободного развития каждой личности и, тем самым, – всех.

При анализе сокодинамики культуры не обойтись без следующей группы понятий [1]:

Культурная аккумуляция: прибавление новых элементов к существующей культуре. Процесс обогащения существующей культуры новыми элементами: возникновение новых образцов, дифференциация, интеграция старых и заимствование из других культур.

Культурная инерция: тенденция некоторых элементов культуры сопротивляться изменениям, к которым они не могут адаптироваться, и сохраняться, несмотря на утрату значимых социальных функций.

Закон культурного отставания. По У. Огборну – закон, согласно которому изменения области материальной культуры происходят более быстрыми темпами, чем в области нематериальной культуры. Нарушение равновесия в развитии культуры приводит к социальной дезорганизации, конфликтам, разрушению экологической среды и т.д. (Это мы наблюдаем в частности, в перестроечный период в нынешней России.)

Культура сенситивная: по П. Сорокину – тип культуры, ценности которой ориентированы на улучшение материальных условий жизни.

Культура эксплицитная: элементы культуры, полностью осознаваемые членами общества и выявляемые в процессе непосредственного наблюдения с помощью опроса.

Детерминизм культурный: Методологическая установка, отстаивающая принцип понимания явлений культуры на почве самой культуры (объяснение «культурного» культурным), не прибегая к объяснению их биологическими, географическими, психологическими и т.п. факторами. Объяснение человеческого поведения главным образом факторами культуры.

Детерминизм технологический: теоретико-методологическая установка, согласно которой уровень развития науки, техники, информатики и технологии крупного современного производства определяет социально-экономическое развитие в целом, и любое крупное технологическое изменение влечет за собой то или иное социальное изменение.

Детерминизм экономический: концепция, утверждающая, что экономические факторы являются решающими при объяснении социального поведения.

XX столетие отмечено принципиальными прорывами цивилизации – информационными технологиями, всепроникающими масс-медиа, успехами урбанизации, демократизации и образования, развертыванием интеграционных процессов. Вместе с тем, завершение века не было воспринято однозначно как поступательное движение социальной свободы человека. Напротив, именно она обнаруживает глубокую противоречивость, возможность превращения в собственную противоположность – несвободу, отчуждение человека, его «возврата», казалось бы, к пройденным этапам эволюции.

Приращение культурных ценностей, как известно, должно опираться на традиции для сохранения культурного смысла ценностей. Но в то же время приращение культурных ценностей идет, зачастую, через критику традиций и отбрасывания некоторых культурных ценностей. И это нормально и естест-

венно. Следовательно, возникает проблема *культурного статуса* новообразованных ценностей в сегодняшней динамической ситуации и выделения *псевдокультурных* или «внекультурных» компонентов современной культуры.

В настоящее время происходит резкое увеличение образований, претендующих на статус культурных, а с другой – их адаптация к старым ценностным системам происходит в более сжатых временных рамках. В результате происходит разрушение старых *систем ценностей и традиций, разрушение целостной знаковой системы* культуры, которая господствовала множество десятилетий или даже столетий. Символы и образы старой культуры исчезают или меняют свой смысл и значение. Новые ценности настолько расходятся с традиционными, что их культуuroобразующий смысл остается не всегда ясным и открытым. В этой связи Е.Б.Мостовая отмечает, что «в обществе (современном российском. – А.Л.) имеет место особая форма ценностного разнообразия, связанная с существованием ценностных миров, подчиненных различным и несовместимым иерархиям». Такую «неконструктивную форму ценностного разнообразия» автор называет «ценностным полиморфизмом» [167, с.43]. И совершенно справедливо автор отмечает, в качестве примера, что в советский период «официальной ценностью был труд для процветания страны и блага будущих поколений, а в сегодняшней России таковыми являются частная собственность и бухгалтерская дисциплина. Столь радикальный пересмотр официальных ценностных приоритетов едва ли вдохновил, а скорее дезориентировал население. Этот пересмотр спровоцировал острый ценностный конфликт и обернулся экзистенциальным вакуумом в среде инициаторов реформ. В этих условиях трудно рассчитывать на восстановление даже формального единообразия ценностных позиций населения» [Там же, с.52]

3.2. Хозяйственная и трудовая культура

Нам представляется полезным в рамках данной исследовательской работы разобрать понятия «хозяйственная культура», «срединная хозяйственная культура», «трудовая культура».

Хозяйственная культура представляет собой систему ценностей, смыслов, символов, знаний, традиций, обеспечивающих мотивацию и регуляцию хозяйственной (производственной, предпринимательской, коммерческой и т.д.) деятельности, определяющих форму ее осуществления, а вместе с тем и восприятие ее обществом. См. об этом подробнее: [67, с.9-38]. Вопрос о хозяйственной культуре – это, прежде всего, вопрос о нематериальных составляющих хозяйственной деятельности, о том, какие жизненные установки регулируют эту деятельность и каково ее нормативно-ценностное обоснование в общей социокультурной системе данного общества. По нашему мнению, термин хозяйственная культура в значительной мере выступает синонимом понятия экономическая культура. Последняя, как считает Р.В. Рывкина, - это «проекция» культуры на сферу социально - экономических отношений [294, с.110].

Общее представление о смысле жизни, о месте человека в мироздании и его предназначении, о его сущности и природе, об отношениях между людьми, о добре и зле, о праведности и грехе – все это может входить в сферу хозяйственной культуры человека в той степени, в какой влияет на хозяйственную деятельность. Так, по мнению М. Вебера, протестантское представление о человеке – орудии Бога стимулирует хозяйственную активность. Православное же самосознание верующих диктует иное мировоззрение, иные жизненные смыслы, ценности. Богоугодность стяжания материального благополучия, накопительства, - характерна для одной из древнейших религий – еврейской.

Мы разделяем представления Ерасова Б.С. об особой значимости т.н. *срединной хозяйственной культуры*, которая противостоит ее экстремальным формам как устойчивая и непротиворечивая совокупность ценностных ори-

ентаций, разделяемых широкими массами населения на протяжении длительных периодов времени. В ней снимается противоречивость оппозиционных ценностей типа аскеза-гедонизм, труд-праздность, богатство-нищета, практицизм-идеализм, предприимчивость-пассивность и т.д. (например, напряженная трудовая деятельность под воздействием обстоятельств или идеологических компаний) [62, с.135-136].

Зарубина Н.Н. справедливо, на наш взгляд, отмечает, что срединная хозяйственная культура проникает в повседневную практику и образует *обыденную (повседневную)* хозяйственную культуру. На массовом, обыденном уровне она предстает не в виде решения высокосложных социальных задач, а как ежедневное выполнение обязанностей на работе или ведение небольшого собственного дела, домашнего хозяйства, планирование семейного бюджета и т.п. На повседневном уровне культуры наиболее отчетливо проявляется роль обычаев и норм как сложившихся стереотипов экономического поведения, мало осознаваемых и поддерживающихся в силу привычки. На обыденном уровне хозяйственной культуры поддерживаются традиционный уровень трудолюбия, усердия, качества и интенсивности труда, бережливости, аккуратности, исполнительности, мера праздности.

Срединная культура образует тот общий фон, контекст, из которого вырастают *специализированные и экстремальные формы* хозяйственной культуры (например, наша нынешняя «криминализованная»). Границы между ними размыты.

Общество может обладать высоким уровнем развития срединной и специализированной хозяйственной культуры. К примеру, в Японии: повседневное трудолюбие стало средой, в которой вызрела и существует высокотехнологичная организационная культура, одобренная людьми, и выполнение ими требований «тотального качества» выпускаемой продукции.

В России низкий уровень развития срединной культуры является одной из главных общественных проблем. Хотя наша отечественная история знает немало примеров высокой специализированной профессиональной культуры

и высокоэффективного производства: военная и космическая промышленность, система народного образования в школах, начального профессионально-технического, вузовского общетеоретического и специального образования, ряда направлений академической науки, развития искусств.

В многочисленных научных дискуссиях по поводу базовых исходных понятий феномена культуры, ведущихся более 100 лет, выявляется такой важнейший ее базовый элемент, как *ценности*. Об этом писал в начале XX в. еще Макс Вебер. В отечественной социологии взаимосвязь ценностей и культуры весьма удачно сформулировал Н.И. Лапин. По его мнению «система ценностей образует внутренний стержень культуры, духовную квинтэссенцию потребностей и интересов индивидов и социальных общностей. Она, в свою очередь, оказывает обратное влияние на социальные интересы и потребности, выступая одним из важнейших мотиваторов социального действия, поведения индивидов. Таким образом, каждая ценность и системы ценностей имеют двуединое основание: в индивиде как самоценном субъекте и в обществе как социокультурной системе» [107, с.5].

Термином базовые ценности характеризуются основные ориентации людей как в жизни в целом, так и в основных сферах их деятельности – в труде, политике, быту и т.д. К таким ценностям, формирующим личность, по мнению Ж.Т. Тощенко относятся: здоровый образ жизни, основанный не на господстве над природой, а на единстве, партнерстве, сотрудничестве, гармонии с ней; новое «качество жизни», включающее в себя изменение характера труда и его смысла, иное распределение интересов между трудом и досугом – новую культуру досуга и т.д.; гуманистическая культура общения между людьми, в которой человек – не средство достижения утилитарных целей, а самоцель, стимулирующая личный интерес; и наконец, наиболее важное – возрастающая потребность в самореализации личности, в творчестве, в развитии способностей, в духовном обогащении и т.п. [252, с.372-373].

Теоретически альтернативу между «вещными» и человеческими ценностями в пользу последних сформулировал социальный психолог Э. Фромм:

«...цель человека быть многим, а не обладать многим» [275, с.94]. Этот ученый выделяет «неплодотворные» и «плодотворные» ориентации в характере и поведении индивидов: «восприимчивая», «авторитарная», «стяжательская», «рыночная»². Он пишет, что «под плодотворностью можно понимать спо-

---

² Относительно «рыночной» ориентации характера человека Э. Фромм, к примеру, пишет: «Поскольку человек воспринимает себя и как продавца, и как товар для продажи на личном рынке, то, как он себя ценит, т.е. его самооценка, зависит от условий, которые ни в коей мере от него не зависят и ему неподвластны. Если он «преуспевает» – он в цене, если нет – он лишен ценности...Если человеку известно, что его ценность определяется не его человеческими качествами, а успехом и конкурентоспособностью на личном рынке с его постоянно меняющимися условиями, его самооценка безусловно будет шаткой, низкой и будет нуждаться в постоянной поддержке и подтверждении со стороны других людей. Если человек вынужден постоянно стремиться к успеху и любая неудача представляет собой угрозу его самооценке, то результатом всего этого будет появление чувства беспомощности, неуверенности и чувства собственной неполноценности. Если катаклизмы рынка диктуют основные требования и показатели ценности человека, чувства собственного достоинства и самоуважения улетучиваются...».

Автор далее поясняет, что при рыночной ориентации характера человек рассматривает свои силы как товар, который существует отдельно от него. В результате его силы и то, что ими создано, отчуждаются от него, становятся от него отличным, чем-то, что будут оценивать и использовать другие. «И, как следствие всего, его чувство индивидуальности становится таким же неустойчивым, как и самооценка, заключительная реплика во всех возможных при таких условиях ролях: «я – то, чего изволите». Э.Фромм логически приходит к мысли, что «равенство», декларируемое «свободным» капиталистическим обществом, «вместо того, чтобы быть условием развития своеобразия каждого человека, приобрело значение искоренения индивидуальности, стало означать «самоотказ», который столь характерен для рыночной ориентации. Равенство находилось в интересной связи с различием, а стало, как это ни печально, синонимом «без-различия. ...Все человеческие отношения пропитаны подобного рода безразличием. В ситуации, где индивидуальное «я» не принимается во внимание, когда им просто-напросто пренебрегают, отношения между людьми не могут быть искренними и теплыми, по необходимости они становятся поверхностными, потому что в отношения вступают не люди, а взаимозаменяемые товары. Люди не могут себе позволить считаться с тем, что является уникальным и «своеобразным... Рыночная ориентация оставляет отпечаток не только на чувствах человека, но и на его мышлении. Этот отпечаток проявляется в том, что мышление берет на себя функцию быстро схватывать ситуацию, чтобы иметь возможность ею манипулировать. При более широком и эффективном образовании это приводит к высокому уровню сообразительности, но не разума» [Фромм Э. Человек для себя. С.].

Мне думается, что одной из причин тяжелых переживаний огромного числа людей бывшего СССР, «отправленных» познавать «рыночную свободу» в постсоветскую Россию, была как раз та, что люди перестали чувствовать свою индивидуальность, значимость. Они потеряли высоко ценимую ими прежде открытость и теплоту отношений в трудовом коллективе (потеряли «коллектив - семью»). Они сильно переживают, что стали обезличенным, подержанным и мало кому нужным «товаром». А еще подобные переживания происходят от того, что бывшие советские люди в одночасье, без «эволюционного переваривания» специфики требований рыночных отношений, никак не могут освоить представление о «личностном факторе», таком, который требуют именно такие отношения. Э.Фромм об этом специфично понимаемом «личностном факторе», пишет: «Личностный фактор» всегда играет решающую роль. Успех, в большей степени, зависит от того, насколько хорошо человек может представить себя, насколько привлекательна его «упаковка», насколько правдиво он может показать себя «бодрым», крепким», «энергичным», «надежным», «амбициозным» (в хорошем смысле этого слова). Важное значение имеет его семейное положение, то, к какому он принадлежит клубу, много ли у него нужных знакомств. Этот тип, тип желательной личности, зависит от достигнутого человеком уровня в той области, в которой он работает. Брокер, продавец, секретарь, железнодорожный работник, преподаватель университета или управляющий отелем – каждый из них должен предоставить требуемый тип личности, который вне зависимости от своих особенностей, на него должен быть спрос. Для того, чтобы добиться успеха, недостаточно обладать лишь умением и умственным багажом, необходимыми для выполнения той или иной задачи, нужно еще быть способным вступить в соревнование со многими другими. Нужно уметь состязаться» [275, с.106-107].

Отсюда мы тоже можем увидеть различия в представлениях о характере «состязания»: в рыночном обществе и в СССР. В СССР – это было «соревнование-содружество». Совершенно не принято было противопоставлять свой личностный успех окружающим членам коллектива. Открытое стремление к вертикальной мобильности называлось презрительным словом «карьеризм». Понятие «карьеризм» было в одном ряду с такими негативными понятиями, как «бюрократизм», «мещанство», «накопительство», «спекуляция» и

способность человека использовать свои силы и реализовывать заложенные в нем потенциальные возможности», что не достигается, по его мнению, неплодотворными ориентациями. См. об этом подробнее: [276, с.77-173]

Ценностные установки кардинально меняются, когда человек начинает предпочитать «вещные» или наоборот, духовные формы богатства. Но ни та, ни другая автоматически не дает устойчивого социального положения в обществе. Причем, социально-ценностные ориентации, связанные, к примеру, с вещной формой богатства могут повышать социальный статус, но не улучшать социальное настроение. (Можно привести примеры со значительным числом самоубийств людей в экономически благополучной Швеции и ряде других стран). С другой стороны, нередко встречается и другое противоречие. Если ориентация на духовно-нравственные ценности (с параллельным внушением людям о применимости «внешних» ценностей) не обеспечивает минимума или декларируемого обществом материального достатка, то происходят серьезные потрясения в социальном настроении людей: депрессия, уход в маргиналы, девиантные проявления, падение трудовой мотивации и экономической эффективности производства. Так было на нашей памяти в СССР в последние десятилетия советской власти.

Трудовая культура. Труд – это одна из фундаментальных базовых ценностей общей и организационной культуры. Через эту ценность выражается отношение человека и общества к деятельности, лежащей в основе социального бытия. На протяжении истории у разных народов, в разных религиях он рассматривался как достоинство или унижение человека (рабский, подневольный труд); как средство совершенствования человека (аскетическое трудничество православных монахов, или же в идеологии советского государства: «труд – дело чести, доблести и геройства») или наказание, проклятие (каторжные работы осужденных лиц, ссылка в трудовые лагеря ГУЛАГА, перевоспитание интеллигенции в Китае на сельхозработах в период «куль-

---

т.п. С развалом СССР, все эти и многие другие понятия этого ряда надо было считать положительными... Можно ли достигнуть смены базовых ценностей на иные в немыслимо короткие сроки? Вряд ли.

турной революции» и т.д.) Труд рассматривается и как способ самореализации личности (мирская аскеза протестанта) или сфера отчуждения бытия, в которой человек, работник лишается своей истинной человеческой сути; как служение Богу или Божье проклятие.

Труд как категория культуры охватывает не только непосредственно производственный, физический труд, но и труд по управлению и организации производства, труд предпринимателя, интеллектуальный труд в сфере духовного производства. Каждый из этих видов труда имеет свою собственную культуру, обладает собственной ценностью, престижем, мотивациями и т.д. Поддержание высокого статуса и культурной значимости труда является важнейшей предпосылкой успеха социально-экономических модернизаций. В определенных исторических обстоятельствах, особенно на переломах развития, возникает необходимость в подъеме *трудовой культуры*. И тогда общество через систему господствующей идеологии вырабатывает и внедряет в массовое сознание высокие *трудовые ориентации*.

К примеру, после свершения в 1917 году революции в России и осознания того, что репрессии не дадут желаемого повышения трудовой активности людей, в стране была организована беспрецедентная государственная компания по трудовой мобилизации общества. Ответом на эту мобилизацию был массовый энтузиазм общества и серьезные достижения в области экономики, о чем свидетельствуют многочисленные свидетельства современников и статистические данные.

Но мобилизационная *трудовая культура*, как показало время, не может быть поддерживаема очень длительные периоды, невозможно постоянно находиться в напряжении битвы. Как только ближайшие цели достигаются, энтузиазм слабеет, трудовая культура возвращается где-то на прежний уровень.

Трудовая культура является результатом исторического развития общества. На ее формирование оказывает влияние совокупность различных экономических, социальных, религиозных, идеологических, конкретно-

исторических факторов и обстоятельств. Она непосредственно влияет на развитие экономики, обеспечивая мотивацию и легитимизацию хозяйственной деятельности, а также ее моральную регуляцию. См. об этом подробнее: [281; 208; 255; 262; 251; 231; 256; 215; и др.]

Теории модернизации, предлагаемые современными реформаторами, часто предлагают обществу модели, заимствованные из западного предпринимательства, культуры, сложившейся при особых уникальных обстоятельствах за много веков. Такую элитарную экономическую культуру американский ученый С. Хантингтон назвал «давосской культурой» (по названию швейцарского города Давос). Интеллектуалы с университетскими степенями верят в индивидуализм, рыночную экономику, политическую демократию – т.е. во все то, что рождено западной цивилизацией. Но сколько людей во всем мире разделяют эти ценности и взгляды? Это отнюдь не всемирная культура, а лидеры, относящиеся к «давосской культуре», не обязательно твердо владеют рычагами власти в своих собственных обществах. Насилование же и скоропалительное насаждение элитарных идей хозяйственной культуры не может прижиться и наложиться на сложившиеся срединные культуры, без сопротивления и мучительных переосмыслений и достаточно длительных исторических периодов формирования нового менталитета людей, изменения социальных мифов и ценностно-потребностных ориентаций. Культура – это весьма интересное образование, она защищает устоявшиеся представления людей о жизни, их мировоззрения, их ценности. Любым модернизаторам и преобразователям это необходимо осознавать и учитывать в своих модернизаторских амбициях.

Современные исследователи социокультурных подходов и оснований экономических модернизаций придерживаются мнений о том, что ценностные и мировоззренческие основания хозяйственной и предпринимательской деятельности специфичны в каждой культуре. Модернизация вовсе и не требует полного устранения этой специфики идентичности в восприятии культуры Запада. Еще в 60-х годах XX в. исследователи отмечали, что одной из

важнейших причин срывов или замедления темпов модернизаций являются вовсе не тормозящее воздействие той или иной хозяйственной культуры или медленные темпы реформирования традиционной системы ценностей и институтов. Причиной срывов является слишком быстрое разрушение старой хозяйственной культуры без создания взамен нового синтетического уровня культуры, на котором устойчивые традиционные архетипы массового сознания и новые ценности могут конструктивно взаимодействовать, усиливая друг друга в плодотворном синтезе.

Современные теоретики исходят из представлений о модернизации как структурированном процессе, в котором традиционные и современные ценности занимают локальные ниши в общей структуре культуры. См. об этом, к примеру: [82, с.53-57].

Что же касается России советского периода, то важнейшей особенностью социалистической хозяйственной культуры был ее *мобилизационный* характер. Эта особенность была весьма кстати в экстремальные периоды Великой отечественной войны 1941-1945 гг., напряженного противоборства с враждебным окружением страны и восстановлением экономики после гражданской и второй мировой войн.

Но слабость *срединного, повседневного уровня хозяйственной культуры* также практически означала обязательную смену энтузиазма и штурмовщины периодами спада, т.к. отсутствовало легально разрешенное предпринимательство, всюду была предельно огосударствленная собственность и предельно административно-бюрократизированная регламентация труда, быта, культуры, общественной жизни. Все это не позволяло более полно использовать разнообразный материально - ресурсный и трудовой потенциал страны и создавать благоприятные условия для повышения уровня и качества жизни наших соотечественников

3.3. Менталитет. Экономический человек, экономическое сознание.

При анализе духовных компонентов культуры организаций и особенностей их изменений не обойтись без таких понятий, как «менталитет», «экономический человек», «экономическое сознание» и ряда других, в той или иной степени связанных с социализацией индивидов и с их ценностными и поведенческими установками и практическими действиями, в качестве субъектов и объектов разнообразных социально-трудовых отношений в организациях.

Менталитет. Понятие ментальности означает нечто общее, лежащее в основе сознательного и бессознательного, логического и эмоционального. Это дополнительная доидеологическая основа политического мышления. См.: [194, с.454].

По своему содержанию ментальность представляет собой совокупность устойчивых характеристик и элементов сознания: эмоций, настроений, установок и связанных с ними моделей политического поведения. Когда говорят о ментальности, то имеют в виду не какие – то вполне осознанные и четко сформулированные принципы. Здесь – многое, отражающее оттенки общественного мышления – религиозные, атеистические, национальные, традиционно-бытовые, мистические и прочие компоненты. Словом, здесь речь идет о конкретной картине человеческого духа, в значительной мере воспринятой от предшествующих поколений.

Ж. Дюби предложил достаточно четкое определение ментальности: это «система образов... которые ... лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей» [60, с.52]. Приводим по: [231, с.271]. Французские историки школы «Анналов» понятие «ментальность» предпочли его «коллективным представлениям», «коллективному бессознательному» и другим понятиям, особо подчеркивая, что ментальность – это не набор характеристик, а целая «система взаимосвязанных представлений, регулирующих поведение»

членов социальной группы», а сами связи здесь – наиболее важный компонент [231, с.273].

Ряд современных исследователей приступают к выделению *ментальности социальных общностей*. Так, А.О. Бороноев и П.И. Смирнов иерархию ценностей относят к базовой конструкции ментальности, а психолог Д. Бар-Тал предложил понятие «групповые убеждения» (нормы, ценности, цели, некоторые идеологемы, обладающие бесспорной ценностью для группы и «центральностью», «ядерным положением среди других норм, ценностей, целей»), которые разделяются членами группы, определяют ее сущность и задают некие «границы», отделяющие «внутригрупповое от вне группового». Исследовательница С. Лурье выделяет два уровня, составляющие ментальность: уровень этнических констант, определяющих ее структуру, и уровень содержательный - ценностный, к которому, по мнению ряда других ученых можно отнести выделенные Бар-Талом групповые убеждения. Таким образом, «в культуре разных народов, формировавшейся исторически, есть нечто, устойчиво отличающее их от других народов и этносов» [там же, с.273-276].

В.Е. Семенов, предлагает рассматривать *менталитет* в качестве «исторически сложившегося долговременного умонастроения, единства (сплава) сознательных и неосознанных ценностей, норм, установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом воплощении, присущее той или иной социальной группе (общности) и ее представителям. Он справедливо замечает, что в литературе существует ограниченность представлений о менталитете, т.к. пишут чаще о *национальном, этническом* менталитете. Но считать, что у того или иного народа только один менталитет, это неправильно, а тем более у русских или, говоря шире, у россиян.

Еще одну интересную точку зрения на менталитет и ментальность высказывает В.Д. Попов (опираясь на ряд других источников), которая связана также с понятием «закона ментальной идентичности» [197, с.357-373]. Идентичность – тождественность, совпадение чего-либо с чем либо, А здесь автор

ведет речь о необходимости совпадения сознательной деятельности государственных органов, государственного управления в ходе реформ с требованиями ментальной идентичности.

Ментальность – это функция менталитета. Менталитет включает в себя феномены глубинной психологии: это, прежде всего, - «глубинный пласт общественного сознания, совокупность механизмов психологических реакций и базовых представлений, характерных для разных социальных общностей. Он «выражается в константах, архетипических образованиях», его структура представляет собой «устойчивую систему скрытых глубинных установок и ценностных ориентаций..., его автоматических навыков, неявных умонастроений, которые определяют устойчивые стереотипы сознания...» [212, с.190-191]. Приводим по: [197, с.358]. Более предметно и конкретно менталитет можно определить как совокупность архетипичных догматов (основной источник – религия), историко-мировоззренческих стереотипов мышления и мотивов поведения, свойств глубинной психологии и устойчивых, традиционных ценностей и черт национального характера [там же, с.358].

По В.П.Зинченко – ментальность используется как обобщающее понятие, это некая объективность, имеющая сложное строение. Она включает родовые черты, опыт предков, фантомы идеологии, исторически закреплённый хаос и т.п. При этом выделяется три слоя в ментальности: 1) бытийный это нравы, обычаи, предрассудки, природа, климат, быт; 2) язык – чувственная, эффективная ткань; 3) духовный и рефлексивный [197, с.360]. И поскольку ментальность (как функция менталитета) – сложное и глубинное, а не поверхностное, содержание в структуре психики человека в социуме, ее быстро изменить нельзя. К ней надо адаптироваться в процессе трансформационных процессов, приспособлять реформы к менталитету и параллельно ее корректировать, приглушая негативные и усиливая прогрессивные черты ментальности. Закон ментальной идентичности отражает объективные связи между компонентами менталитета (внутренние связи) и между событиями,

явлениями и процессами, происходящими в обществе в данный момент времени. Особое значение для современной России имеет учет менталитета в сознательной деятельности государственной власти в процессе реализации реформ. Исходя из анализа особенностей российской ментальности, В.Д. Попов считает, что для России *наиболее идентична либерально-коллективистская (либерал-общинная) модель экономики*. Или, иначе – *реализация экономических интересов индивида и их защита в коллективе и через коллектив*. Корпоративность – практически та же общинность или артельность. Надо превратить наемного работника в эффективного со-хозяина на основе трансформации отношений собственности: от частной – к лично-корпоративной. Корпорация – это общность, построенная на ассоциированной форме собственности, ответственности и взаимозависимости ее членов. Сегодня в России масса примеров, когда хозяйства поделили на паи, а потом уже собственники выбирают себе главу и создают коммуну – уже нового типа [там же, с. 364-365].

В работе о «столкновении цивилизаций» С. Хантингтон пишет, что «на глубинном уровне западные представления и идеи фундаментально отличаются от тех, которые присущи другим цивилизациям ... Да и сам тезис о возможности «универсальной цивилизации» – это западная идея». Этот ученый, помимо западной, выделяет конфуцианскую, японскую, исламскую, индуистскую, православно-славянскую, латиноамериканскую и африканскую цивилизации, которые упорно хотят оставаться самими собой. Это обстоятельство не позволяет множеству цивилизаций быстро и безболезненно адаптироваться к западным рыночным ценностям и образу жизни.

Экономический человек. На наш взгляд заслуживают интереса некоторые сравнения между православно-российским менталитетом и индивидуалистско - капиталистическим на основе обсуждения феномена «экономического человека», возникшего на Западе, а также роли и места в его возникновении ценностных ориентаций протестантской религии на предприниматель-

скую и иную хозяйственную деятельность, отличие православной религии, исповедующей другие ценности.

При крушении советской идеологии в конце 80-х - начале 90-х гг. XX в. стало ясно, что Россия является общностью народов, живущих как бы в различных исторических и культурных эпохах, имеющих своеобразные (разнообразные) российские менталитеты и культуру труда, культуру предпринимательства, значительно отличающуюся от исторически культивировавшейся в Западной Европе (родоначальнице современной рыночной экономики), где выделялся типичный «столп» рыночных отношений, его основа – так называемый «экономический человек».

Классическая модель экономического человека строилась на следующих теоретических допущениях:

- экономический человек действует на конкретном рынке, а это предполагает его минимальную взаимосвязь с другими экономическими людьми;
- он рационален с точки зрения принятия механизмов принятия решений и способен к постановкам целей, последовательному их достижению, расчету издержек в выборе средств достижения;
- он обладает полнотой информации о той ситуации, в которой он действует, удовлетворяя свои потребности;
- экономический человек эгоистичен и стремится к максимизации своей выгоды [295, с.16]. Экономический человек, тем не менее, исторически эволюционировал в своих качествах, в своих взглядах, и поступках, по мнению исследователей. Так, во времена А. Смита (конец XVIII в.) – это автономный индивид, движимый двумя природными мотивами: своекорыстным интересом и склонностью к обмену, идущим при необходимости вразрез обществу, если это требуют цели наживы, устранения конкурентов. В середине XIX века (по К. Марксу) основной хозяйствующий субъект – это капиталист, выступающий в одном лице как: а) пассивный - собственник капитала,

цель его - рост капитала, бессознательная мотивация – увеличение прибавочной стоимости; б) активный – управляющий рабочей силой и производственным процессом.

Д. Кейнс (первые десятилетия XX в.) выводит на первый план биржевого спекулянта, как фигуру наиболее характерную для его времени. Т. Веблен, а затем Д. Коммонс (первая половина XX в.) считали, что на экономическое поведение предпринимателя влияют и корректируют поведение политические партии, профсоюзы, изменяющееся общественное мнение. («Действующий коллективный институт» как регулятор коллективного действия людей снимает антагонизм между ними – административный капитализм»). Это как бы этап профессиональной зрелости экономического человека. Постепенно в мировоззрение экономического человека вводится и укрепляется этическое начало, отвергается ограничение морали только рамками личной выгоды, хотя альтруизм против личного интереса чаще всего проигрывает.

Современная экономика превращается в теорию рационального принятия решений. Достаточно часто экономические проблемы решаются с применением методов социальных наук. В экономике выделены достаточно отчетливо как экономические, так и социальные аспекты, обществом артикулируется социальная ответственность предпринимателя за уровень жизни работников и населения в целом и современный экономический человек не может с этим не считаться.

М. Вебер, исследуя природу поведения экономического человека, на основе «протестантской этики», утверждал, что его культура возникает с переходом от аффективно–нормативного к ценностно-рациональному регулированию человеческого поведения в обществе. При этом регуляторами поведения становятся не внешние табу, а внутренний мир. Часто ценностно - рационально действует тот, кто не считается с последствиями, а действует в соответствии с требованиями, которые считает предъявленными к себе. Это вытесняется целенаправленным регулированием, абстрактным смыслом, поддающимся исчислению, учету и контролю. М. Вебер считал целерацио-

нальное поведение основным для буржуазной экономики принципом. «Дух капитализма – закат культуры, превращение ее в цивилизацию». [Там же, с.74].

В недрах любой культуры содержатся элементы культуры и элементы цивилизации, элементы массовой культуры. Массовая культура несет мозаичное сознание, представление о нормальном как наиболее часто встречающемся и конформном типе поведения. Религиозная этика, являясь ценностным элементом культуры, на протяжении значительного времени определяла поведение людей.

Согласно М. Веберу, протестантская идеология имеет предпринимательский и бюргерский дух. Важнейшие черты бюргерского духа: готовность к риску, духовная свобода, богатство идей, воля и настойчивость, умение соединять людей для совместной работы; умение убеждать клиентов. Он также несет в себе прилежание, умеренность, расчетливость и др. Идеалом этой философии является кредитоспособный человек, а умножение капитала является самоцелью и вопросом долга. Высшее благо этой этики – накопление все новых денег – лишено стремления к счастью и получения удовольствия. Приобретательство становится целью жизни и перестает быть средством для удовлетворения жизненных потребностей. Протестантское учение до сего дня неизменно считает предпринимательство очень почетным занятием, а частную собственность – божественным институтом.

Часто в церковных документах западных стран можно прочесть о том, что частная собственность гарантирует независимость личности и семьи, обеспечивает право выбора и свободу деятельности, способствует умножению богатства и общества и его развитию, отсутствие ее вызывает всеобщую лень и бездеятельность [158]. В противовес протестантизму православное христианство не нацеливало славян на получение благ здесь и теперь, в этой жизни, а совсем наоборот, оно призывало отказаться от них ради блаженства после смерти. Православие, по мнению ряда исследователей «не имеет эко-

номической концепции, так как основная цель его - попечение о спасении души, не имеет непосредственного отношения к экономике.

Н.А. Бердяев писал в начале XX века, что «русский народ в массе ленив в религиозном восхождении, его религиозность равнинная ... почва натуралистическая, быт языческий». Бердяев утверждает: « ... в темной русской стихии ... есть вечные мистические реакции против всякой культуры, против всякого личностного начала, против прав и достоинств личности, против всяких ценностей. Эта погруженность в стихию русской земли ... не совместима ни с какой культурой ценностей, ни с каким самосознанием личности» [19, с.17-18].

Магия, неотделимая от патриархальности и совместного (общинного) ведения хозяйства, по утверждению М. Вебера, не терпит ничего выдающегося на общем фоне, «она равносильна рутине в области техники и экономики и тормозит универсальное стремление к наживе». Исследователи считают, что эти наиболее известные российские предприниматели часто были из староверов, которые являли собой некий аналог российских протестантов.

Идея обратиться к социальным резервам производства и собственно концепция «экономического человека», полагает Ж.Т. Тощенко, была выдвинута Ф.Тейлором, считавшим, что «главной задачей управления производством является обеспечение максимальной прибыли в органическом единстве с максимальным благосостоянием каждого занятого работника на предприятии» [251, с.46]. При обзоре научной литературы, считает цитированный автор, видно, что по - разному раскрывается сущность и содержание понятия «экономический человек». Эти представления можно условно разделить на две группы составляющих его компонентов: собственно *социологические и социально-экономические*. В *первой группе* проблем речь идет о различных теоретических представлениях, а также подходах к практическому использованию в управленческой практике стимулов и стимулирования труда, роли и места мотивов мотивации в трудовом поведении. И со временем в первой половине XX века оформилось множество ставших широко известными тео-

рий мотивации, в первую очередь, содержательных и процессуальных. При обсуждении с позиций *социально-экономических подходов* используются такие термины, как «оплата труда», ее формы и уровни, а также «прожиточный минимум», «потребительская корзина» («минимальная оплата труда», или МРОТ,- добавим мы – А.Л.) и др. [Там же, с. 48].

Современные формы оплаты труда - очень важная категория для работающего человека – характеризуют различные подходы и возможности повышения заинтересованности работника в получении материальных благ. В СССР в силу разных причин, которые здесь мы пока не обсуждаем, были серьезные изъяны в материальном стимулировании высокоэффективного труда. Здесь «был проигнорирован вывод К. Маркса о том, что экономика «дешевого работника», которую внедряли на практике и оправдывали в теории, означает рост органического состава капитала и развивается по законам обострения внутренних противоречий, т.е. идет к своей гибели». Подобные выводы в той или иной мере присутствуют и в экономической модели Дж. Кейнса. В настоящее время существует немало новейших форм стимулирования труда, акцент все чаще при этом делается на мотивацию труда, в том числе коллективного, который достаточно широко развивался в СССР, а сегодня развивается на самых передовых предприятиях рыночного Запада, но предается забвению в новой перестроенной России [там же, с.63-65].

Современные представления о проблемах «экономического человека» имеют важное значение в контексте нашего исследования, охватывающего значительный временной и сложный период трансформаций социальных систем (в том числе организаций), управления организациями и особенностей трансформаций организационной культуры, тесно связанной с этими множественными трансформациями.

Экономическое сознание. Поскольку мы анализируем функционирование организаций и их трансформацию в конкретно- историческом преломлении (в нескольких последних десятилетиях), то есть в различных идеологизированных системах социального взаимодействия людей и институтов, в

разных модификациях организационных культур, нам необходимо разобраться и с сущностью понятия *экономическое сознание*. И особенно важно разобраться с тем, как его понимали в советское время. В методических материалах, изданных в 1988 г. «Академией общественных наук при ЦК КПСС» (ставшей в постперестроечный период президентской академией по подготовке госчиновников), мы встречаемся со следующим определением [296]:

«Под экономическим сознанием понимается совокупность знаний, убеждений, мнений, оценок, социальных ориентаций, установок, планов и целей трудящихся, в которых отражаются их отношения как участников социалистического производства». Далее дается расшифровка этого понятия по составным компонентам – уровням: *теоретическому* и *обыденному*.

Теоретический уровень отражения экономической действительности – это знания об экономических законах развития производства и формах их реализации, о содержании экономической стратегии КПСС на определенном конкретном этапе и путях ее осуществления в обществе в целом, в регионах и трудовых коллективах.

Обыденный уровень экономического сознания отражается в субъективном восприятии экономической жизнедеятельности в тех или иных условиях микросреды. Важным компонентом *экономического* сознания является его *идеологическая область*, представляющая собой ядро теоретического уровня сознания. Она содержит сложившуюся систему идей, воззрений, отражающую прежде всего коренные экономические интересы советских людей, соотношение общенародных, групповых, коллективных и личных экономических интересов.

Значимым компонентом экономического сознания является его социально-психологическая область – установки, мнения, убеждения и т.п. по поводу необходимости рабочих и служащих лично участвовать в претворении в жизнь экономической политики партии, а также преобразований условий

производства, распределения, обмена и потребления, социальных, политических и духовных отношений в трудовых коллективах. Объективную основу формирования экономического сознания, а также идеологической работы, обеспечивающей его функционирование, составляет, в первую очередь, система экономических отношений. Сюда относится следующее:

- уровень обобществления производства в материально-техническом, организационно-экономическом и социальном срезам;
- существующее социально-экономическое разделение труда;
- система распределения и потребления; организация стимулирования труда на предприятиях, в организациях и отраслях народного хозяйства.

Вместе с тем, экономическое сознание обладает относительной самостоятельностью, внутренними закономерностями функционирования и развития. Фофанов В.П. (1979 г.) дает такое определение: «... экономическое сознание ... находится в структурно-функциональном единстве с системой объективных экономических отношений, оно формируется и функционирует как необходимый подчиненный момент этого целого – системы объективных экономических отношений» [268, с.251]. Кроме того, свои представления, не очень отличающиеся от приведенных выше об экономическом сознании, были у Абалкина Л.И, Попова В.Д., Уледова А.К., Улыбина К.А. и многих других (1975-1990 гг.). Все они рассматривают экономическое сознание как *особую, относительно самостоятельную форму (вид) общественного сознания, функционирующего наряду и во взаимосвязи с политическим, нравственным и другими его формами*. В советское время существовали различные методики прикладных социологических исследований особенностей политического и экономического сознания. По итогам исследований выстраивались выводы и рекомендации, которые имели определенную значимость для прошедшей эпохи советской индустриализации и учитывались в механизме социального влияния на организационное поведение работников предприятий.

3.4. Политическая культура и идеология

«Политическая культура – это реализация политических знаний, ценностных ориентаций, образцов поведения социального субъекта (личности, класса, общества) в исторически определенной системе политических отношений и политической деятельности. Она включает зафиксированный в обычаях и законах политический опыт общества, его классов, социальных групп, трудовых коллективов индивидов, уровень их представлений о политической власти и политических отношениях, способность дать правильную оценку явлениям общественной жизни и занять политическую позицию в ней, выраженную в конкретных социальных действиях» [12, с.183]. В состав такого широкого понятия как политическая культура, включается вся совокупность как индивидуальных, так и коллективно-групповых ценностных ориентаций и образцов поведения участников политической системы. Культура не сводима к индивидуальным свойствам. Не единичное, а массовое и типичное для данной группы или общности и характеризует ее [75, с.96].

Социолог Ж.Т. Тощенко отмечает особенности политической культуры в том, что базовой исходной точкой политической культуры является информированность людей, их знание теоретических проблем. Первоначальные знания и информированность обычно приобретается в стихийной форме. В детстве - из отрывочных сведений в семье, школе, во взрослой – из информации друзей, соседей, на работе, в общественном транспорте и т.д. В советское время часть политических знаний люди получали через мощную и разветвленную систему «политического просвещения» и демонстрировали достаточно высокий интерес к политике, событиям международной жизни. В начале 90-х годов интерес к политической жизни и политическим событиям у многих россиян упал. Опросы общественного мнения, осуществляемые ВЦИОМ в 90-е годы показывают, что «основная часть населения находится в состоянии атрофии общественного сознания и поведения. Осознанная политическая культура ... находится еще в стадии становления» [252, с.261].

Люди в любом обществе, хотели бы этого или нет, включены в общий контекст политических отношений государства: изъявляя свою волю в голосовании на выборах депутатов, глав администраций, участвуя в поддержании действий тех или иных политиков, реализуя тех или иные экономические программы, выдвинутые и одобренные законодателями. Поэтому к детерминантам поведения личности можно отнести и особенности *политического сознания* и особенности культивируемой в данном обществе *идеологии*. Последняя внедряется в массовое сознание различными способами информирования и убеждения, главные из которых – средства массовой информации, а в советское время – огромный и тщательно срежиссированный, детально регламентированный агитационно-пропагандистский механизм.

В политическом сознании достаточно четко проявляется роль психологических компонентов. Здесь имеют значения действия, связанные с верой, надеждой, человеческими страстями и чувствами любви и ненависти. Воля, страсть, фантазия множества людей – это, к примеру, - весьма значимые факторы революционных действий. (Без заинтересованности, сознательности, «психической зараженности» от толпы людей себе подобных, бодрости, решительности и самостоятельности невозможны революционные свершения.)

Политико-психологические явления оказывают неоднозначное воздействие на социализацию и поведение субъектов, в том числе на их активность: организующую и дезорганизующую, стабилизирующую и тормозящую, созидательную или разрушительную, в том числе и на уровне предприятий, организаций.

Идеология в политическом сознании занимает особое место. Н. Смелзер «идеологией» называет «систему утверждений относительно ценностей и фактов» [227, с.55].

Будучи системой верований, убеждений и взглядов, она отражает общественно-политическую реальность через призму интересов больших социальных групп, и прежде всего классов. В содержание идеологии вписываются

элементы знания о действительности. Но, наряду с этим, идеология – это ценностная система, выражающая отношение к существующим общественным порядкам, обосновывающая политические идеалы, принципы, нормы, цели, образцы поведения: например, социальная справедливость, свобода, права человека, демократия, солидарность и т.п. Важнейшая функция идеологии – оценка социальной реальности. А это означает ее соотнесение с политическими потребностями и интересами, идеалами и принципами, с принятыми в данном обществе социальными мифами.

Регулятивно - ориентирующая сила идеологии – в оценке реалий, деятельности политических субъектов, ее результатов, последствий. Она направляет практические действия в рамках целей, приемлемых в первую очередь для господствующих в обществе социальных групп или, по крайней мере, не отвергаемых большинством других слоев. На основе идеологии обычно разрабатываются различные политические концепции, доктрины, программы [75, с.363].

По словам Антонио Грамши, идеология служит тому, чтобы пробудить в народе и организовать коллективную волю. См. подробнее: [44, с.112]. Американский социолог Н. Смелзер считает, что идеологии выполняют такие функции: одна из них – ослабление социальной напряженности, возникающей, когда люди осознают расхождение между провозглашаемыми ценностями и реальными условиями своей жизни. « ... Идеология затемняет противоречие между идеей о равных возможностях и реальностью, в которой негры находятся в невыгодном положении. Основная функция идеологии в этом случае состоит в уменьшении социальной напряженности, которую одновременно чувствуют черные и белые; она вызвана тем, что идеал не соответствует действительности, в которой люди живут и в которой хотели бы находить условия, отвечающие их интересам» [227, с.55]. Идеология, мы согласны со Смелзером, зачастую мистифицирует и маскирует подлинные интересы и цели господствующих групп, правящих элит.

В настоящее время, по нашему мнению, даже после полутора десятка лет политических и социально-экономических преобразований в России какая-либо явно выраженная государственная идеология пока не сформировалась.

Применительно к нынешнему времени, Л.П. Кукса правомерно замечает: «Судя потому, что в постсоветской России слово «идеология» стали употреблять довольно часто, «эпоха деидеологизации» закончилась» [104, с.4].

И в этой связи известный философ, писатель А. Зиновьев отмечает: «Заговорили об идеологическом вакууме (после отмены марксизма-ленинизма) или об идеологическом хаосе, о потребности в идеологии для партий, для власти и даже для всего народа. Стали сочинять тексты, претендующие на роль идеологии. Если просмотреть те определения идеологии, которые даются в профессиональных философских и социологических сочинениях, и суждения о ней, то поражает разноголосица, поверхностность, пустословие, эклектичность и полное отсутствие даже малейших намеков на научное понимание одного из важнейших социальных явлений. А без научного, удовлетворяющего критериям логики определения всякие разговоры на тему об идеологии лишены смысла [78, с.8.]. Цитир. по: [104, с.4]. Л.П. Кукса в своем аналитическом материале, опираясь на мнения ученого В. Кузнецова, подчеркивает такие четыре особенности идеологии XXI века: *Первая* особенность в том, что «идеология принимает содержание и форму бренда как корпоративной (фирменной идеологии), ее ключевой идеи, в которой определяется роль корпорации (фирмы, компании и т.д.); *вторая* особенность – в органической включенности в новые идеологические неопределенности и риска, а «фактор безопасности входит практически во все идеологии»; *третья* особенность относится к негативной тенденции: сложившаяся глобальная идеология международного терроризма и организованной преступности, как антигражданское общество; *четвертая* особенность – идеология являет собой сетевой характер, что связано с новыми вызовами XXI века. Последнее обстоятельство связано с фактором становления сетевой организации самого

социума, с новой практикой и смыслом отношений между людьми, их взаимодействием³ [104. с. 4].

Автор совершенно справедливо замечает далее, «что хотя советская идеология была отменена как государственная и общеобразовательная, она оставила глубокий след в сознании многих миллионов россиян, в культуре, образовании, политических партиях и т.д. Она дает знать о себе в потребностях в идеологии, объединяющей население в единое общество и обслуживающей его систему власти и управления, а также в потребности в едином государственном *идеологическом механизме* (курсив мой. – А.Л.). Попытки удовлетворения этой потребности можно усмотреть в поисках «национальной идеи», в сочинении всякого рода доктрин, в программных заявлениях, в стремлении создания «партии власти». И хотя еще жив марксизм – ленинизм, в качестве идеологии коммунистической партии, но вряд ли он может вновь стать такой общественно значимой идеологией в новых, кардинально изменившихся условиях постиндустриализма. Как «всякое уходящее явление, прежняя система «беременна» новым общественным идеалом, который мог бы стать дополнением, но уже не к коммунизму как детищу западной цивилизации, вопреки многим положениям марксизма частично реализовавшемся на российской почве, а к общине как способу индивидуально-коллективистского бытия человечества в целом» [Там же. С.19-20].

Идеология «транслируется», распространяется в обществе, «вносится» в сознание людей *идеологическими аппаратами*. *Идеологические аппараты* как понятие – охватывает всю совокупность средств и организаций, с помощью которых внедряются в головы людей взгляды, идеи, нормы, отражающие интересы определенных социальных групп или общностей, но которым придается всеобщий характер. В структуре идеологических аппаратов: семья,

---

³ В рамках «коммуникативной философии» В.Кузнецов отмечает: «Суть – в условиях нестабильной, быстро меняющейся обстановки потребовались люди и коллективы, способные к нестандартным, инновационным решениям. Одновременно резко выросла роль согласия, доверия, терпимости, солидарности в реальной жизни. Честность, порядочность, уважение человеческого достоинства стали важнейшими и актуальными ценностями» [103, С.7. Цитир. по: 104, с.5-6].

школа, церковь, политические партии, СМИ и другие. Через идеологические аппараты идет социализация индивида, превращение его в личность.

Мы согласны со взглядами многих авторов о том, что *деидеологизация общества – это миф, блеф, это нереальная задача*. Идеология есть и будет в любом обществе. Но необходимо отказываться, что вполне реально, от гиперидеологизации, под каким бы предлогом она не преподносилась. Наверно было бы правильным не допускать того, чтобы идеологические ценности преобладали над практически - политическими, а тем более над социально – экономическими целями и действиями. В отечественной и зарубежной литературе указываются такие виды современных политических идеологий, пытающихся преобладать над всем остальным в сознании людей: марксизм-ленинизм, социал-демократизм, неолиберализм, неоконсерватизм, а, кроме того, на роль идеологов общества претендует ряд тоталитарных религиозных сект.

3.5. Интенсивность и экстенсивность культуры⁴

С позиций культурологии и цивилизационного «анализа понятия *экстенсивное* и *экстенсивное* выходят за рамки сферы технологии и экономических отношений, и превращаются в характеристику отношения человека к природному и социальному универсуму. Далее, выясняется, что склонность к интенсивному или экстенсивному типу деятельности относится к базовым характеристикам социокультурного целого. То есть, экстенсивное и интенсивное существенно шире технологии и хозяйства. А поэтому можно говорить об интенсивной и экстенсивной *моделях развития*, каждая из которых

---

⁴ Категории *экстенсивное* и *экстенсивное* описывают существенные, в некотором смысле ключевые характеристики деятельности. Категория *экстенсивное* восходит к латинскому *extensivus* (расширяющий, удлиняющий) и описывает такой тип хозяйства и человеческой деятельности, в рамках которого изменения носят *количественный* характер. Повышение объемов продукции достигается за счет вовлечение в хозяйственную деятельность дополнительных ресурсов. Противоположная категория - *интенсивное* восходит к латинскому *intensio* (напряжение, усиление) и описывает тип хозяйства и человеческой деятельности, в рамках которого изменения носят *качественный* характер. В этом случае повышение объема и качества продукции достигается за счет совершенствования технологий, оптимизации производственного процесса, более рационального использования рабочей силы и материальных ресурсов. Здесь привлечение дополнительных ресурсов минимизируется [298, с.44].

характеризуется определенным *отношением к миру* и порождает *базовые типы личности*, различающиеся между собой *ментальностью* - структурой переживания *себя-в-мире*, типом осмысления встающих проблем и характером их решения.. Одна из этих двух устойчивых моделей или стратегий закрепляется в культуре и наследуется от поколения к поколению. Экстенсивная или интенсивная доминанта пронизывают все аспекты самопроявлений человека и социокультурного организма: ментальность, характер экономики, социальные отношения и политические институты и пр.[298, с.45-46].

В данном подходе ключевым является представление о различиях экстенсивно - и интенсивно-ориентированных субъектов в отношениях к ресурсам. Все крестьянские утопии рисовали общество, в котором ресурсы бесплатны. Картины идеального бытия, праздничного изобилия, «скатерти – самобранки», - излюбленные мифологические образы людей экстенсивного общества. В российской идеологизированной традиции, подкрепляемой государственно-ориентированной религией, ценны были юродивость, бесребренничество, устремленность к высшим духовным ценностям. К ним же примыкают нерасчетливость, способность прогулять нажитое годами, уход от социальной ответственности в личной жизни и жизни близких людей. Отсутствие социальной позиции трактуется как нравственно более высокое качество личности, чем активная деятельность. Человек, удалившийся в «пустынь», заботится о «спасении души» и якобы «спасет мир своей праведностью».

Экстенсивно ориентированное общество склонно к распределительным отношениям, а также тяготеет к ограничению и нормативизации потребления. Экстенсивно ориентированному обществу всегда всего не хватает, что толкает на модель самоограничения. Нормативизация потребления по статусам, возрастам, полу, профессиям – одна из существенных особенностей этих обществ. И.Г. Яковенко считает, что экстенсивная стратегия исторически первична и очевидна в ситуации ресурсной избыточности, а общества, разделяющие экстенсивную стратегию бытия – общества дорыночные. А рынок

носит подчиненный характер. Идея коммунизма и социализма описывает абсолютный и относительный идеал экстенсивного общества. При коммунизме исчезнет дефицит любых товаров и услуг. Они станут при этом еще и бесплатными. А при социализме (промежуточной стадии на пути к коммунизму) дефицит некоторых товаров и услуг сохраняется. Причем государство берет на себя издержки производства их производства, распределяет их по символическим ценам. И стратегия такова, что круг этих почти бесплатных и бесплатных товаров и услуг должен все время расширяться, пока не охватит весь ассортимент товаров и услуг. Труд также оплачивался символически, по усмотрению государства. На теневом рынке в СССР (свободном рынке) труд оплачивался порой в десятки раз выше. Экстенсивная культура всеми силами отторгает рыночную конкуренцию и тяготеет к монополии, требует государственного регулирования. «Экстенсивно ориентированный субъект исходит из того, что результаты его труда должны гарантировать его благосостояние вне зависимости от качества, издержек, количества вовлеченных ресурсов и т.д.» [298, с.46-52].

Интенсивная стратегия возникает тогда, когда возможности экстенсивной исчерпываются, издержки на обретение нового ресурса, взамен израсходованного, оказываются критически высокими. Эта стратегия исходит из того, что любые ресурсы надо добывать, возобновлять, что требует, в свою очередь, расхода других ресурсов. А потому все ресурсы являются платными, а стоимость ресурса определяет рынок. Принцип эквивалентного обмена, в отличие от экстенсивных стратегий, оказывается ключевым. Природное пространство, земля, в рамках интенсивной стратегии осознается как рыночная стоимость, имеющая цену и владельца. Причем принцип платности и рыночного определения стоимости относится ко всем ресурсам, в том числе и к рабочей силе. Ценится рациональный подход в трудовых отношениях. В интенсивных обществах на месте культурных, правовых, социальных ограничений встает универсальный регулятор рынка. Социальная значимость ресурса, мера его дефицитности находит свое выражение в цене, выступаю-

щей в качестве гибкого и эффективного регулятора параметров потребления. «Переход к интенсивной стратегии исторического бытия в индустриальную эпоху всегда связан с освобождением человека от внеэкономической зависимости. Раб / (заключенный) в принципе не komponуется в интенсивно ориентированное производство. Частично зависимый (крепостной, советский человек) плохо вписывается в такое производство, постоянно «вываливается» из него, тормозит интенсификацию, сводит на нет усилия интенсификаторов. И это понятно, если иметь ввиду, что устойчивый интенсивный результат может быть достигнут только в том случае, когда все (по крайней мере большинство) работники озабочены этой проблемой, и не формально, но существенно участвуют в интенсификации» [Там же, с.48-52].